

Назвать своей

Автор:

Оливия Гейтс

Назвать своей

Оливия Гейтс

Любовный роман – Harlequin #568

Проведя вместе ночь безумной страсти, Калиопа Сарантос и русский олигарх Максим Волков решают продолжить встречи без обязательств. Неожиданная беременность Калиопы все меняет, и Максим бросает любовницу. Однако после недолгого отсутствия Волков возвращается к Калиопе с неожиданным предложением...

Оливия Гейтс

Назвать своей

Claiming His Own © 2013 by Olivia Gates

«Назвать своей» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Пролог

Восемь месяцев назад

Калиопа Сарантос разглядывала экспресс-тест на беременность в своей руке.

Это был уже третий тест. На двух предыдущих тоже проступило по две розовых полоски: хорошо различимых и неоспоримых.

Она беременна.

Несмотря на то что так тщательно предохранялась, она... залетела.

В груди снова вскипела гамма противоречивых эмоций. Как бы она ни поступила в этой ситуации, ее мир в любом случае перевернется вверх тормашками, а идеальные отношения, выстроенные с Максимом, возможно, будут разрушены. Если уж даже она не знала, как реагировать на эту беременность, то что говорить о нем...

Внезапно сердце заколотилось так сильно, что Кали едва устояла на ногах.

Он был здесь.

Как всегда, она почувствовала приближение Максима раньше, чем услышала его шаги. На этот раз вместо радости она ощутила, как все ее существо затопило беспокойство.

Он вошел в спальню, где впервые научил ее тому, что такое страсть, и где продолжал доказывать, что нет предела удовольствиям, которые можно делить на двоих.

В его волчьих глазах горело желание, когда он приблизился к ней, срывая с себя рубашку, словно та жгла его огнем. Как всегда, Калиопа вызвала в нем сексуальный голод. Но новость о ее неожиданной беременности неминуемо погасит его порыв. Такого известия он точно не ожидает. Не исключено, что оно положит конец их отношениям.

Может быть, это их последняя встреча.

Кали решила, что сначала еще раз насладится этим мужчиной. А после откроет ему правду.

Тело затопило отчаянное желание, затмевающее разум, и в ответ на порыв Максима она упала на кровать, увлекая его за собой. Их губы слились в поцелуе. Его жадное рычание, в котором прозвучало удовольствие, возбудило ее. Он резко потянул ее на себя, подхватив рукой под спину. Калиопа выгнулась перед ним, выставив вперед грудь, словно приглашая приласкать ее, и обвила его руками.

Осыпая любимую словами страсти, Максим начал мять ее груди, втягивая соски в свой горячий влажный рот, заставляя ее каждый раз вскрикивать от удовольствия. Затем его рука скользнула вдоль ее живота и сжала холмик, уже ждущий его прикосновений. Калиопа опять вскрикнула, а Максим скользнул двумя пальцами к ее лону и снова зарычал, почувствовав запах возбуждения любовницы. Несколькими движениями он довел ее ощущения до высшей точки, и из-под его ласкающих пальцев по всему ее телу волнами разлилось освобождение. Он встретил ее оргазм грубым одобрением, сдвинулся ниже и устроился между еще содрогающихся бедер. Потом положил ее ноги себе на плечи и начал ласкать ее руками, губами и языком, пока Калиопа снова не запылала от возбуждения.

– Хватит, прошу, – простонала она. – Я хочу тебя...

С властным выражением лица он прервал ее, положив руку на ее живот:

– Позволь мне насытиться твоим наслаждением. Откройся мне.

Повинуясь, Кали широко развела ноги, отдавая ему всю себя. Максим впился губами в истекающее влагой средоточие ее страсти, лаская партнершу, пока ей не начало казаться, что тело сейчас рассыплется на осколки из-за острой жажды разрядки. Затем, словно точно зная, что больше она не вынесет, он пустил в ход язык. Калиопа хрипло закричала, содрогаясь от сладких спазмов, следующих один за другим.

Не успело ее учащенное дыхание выровняться, как Максим накрыл собой ее блестящее от пота тело, придавив любовницу к кровати. Его язык ворвался в рот Кали. Дыхание снова сбилось, и чуть схлынувшее возбуждение охватило девушку с новой силой. Просто невероятно, как она заводится от одного прикосновения!

Их лихорадочный поцелуй длился несколько секунд. Затем Максим поднялся на вытянутых руках, пытаясь поймать глазами взгляд партнерши и одновременно нащупывая возбужденным членом ее изнемогающее естество. Отыскав и то и другое, он вошел в нее, снова зарывав.

Калиопа вскрикнула от такого натиска, раздвигающего ее плоть, поддающуюся его обескураживающей мощи, и исторгла еще больше влаги, приветствуя вторжение.

Максим застонал от мучительного удовольствия, встал на колени между ее раскинутыми бедрами, обхватил их ладонями и толчком ворвался в Кали до самого предела.

Зная, что нужно делать, чтобы окончательно ввергнуть ее в сладкое безумие, он отстранился, а затем погрузился в нее, повторяя это, пока ее дыхание не стало лихорадочным и отрывистым. Калиопа начала извиваться под ним, требуя, чтобы Максим прекратил эту изысканную пытку. Только тогда его выпады стали яростными, словно удары тарана – один за одним, именно с той силой и размеренностью, как ей хотелось.

Он ускорил темп своих мощных толчков внутри нее, и Калиопа, ощутив взорвавшееся в ней наслаждение, вскрикнула, судорожно выгнула спину и изо всех сил прижалась к партнеру.

Все еще испытывая оргазм, она услышала, как Максим зарывал. Тело его начало содрогаться в ее объятиях, семя его выплеснулось внутри нее, гася угрожающее испепелить пламя. Потом он рухнул на партнершу, и бездна полного удовлетворения окончательно затянула Калиопу. Она ударилась о ее дно без сил, чувствуя, как отключается сознание.

Оно вернулось, когда Максим поднялся над ней на руках, дыша так же тяжело, как и она. В его глазах горело удовлетворение, смешанное со

снисходительностью, губы покраснели и припухли от яростных поцелуев. Он выглядел сильным и полным жизни. Ее мужчина.

Калиопа никогда не позволяла себе думать о нем в таком ключе, но ведь действительно с тех пор, как они встретились, он принадлежал ей одной.

Она и до этого слышала о нем. Ведь русский стальной магнат Максим Волков, как и ее старший брат Аристидис, – один из самых богатых и влиятельных людей мира. Год назад Калиопа встретила его глазами на благотворительном гала-концерте, и ей сразу стало ясно: этот человек перевернет ее существование, если впустить его в свою жизнь. Уже через несколько минут после их знакомства она, затаив дыхание, позволила себя поцеловать.

Кали и сейчас прекрасно помнила вкус их первого поцелуя и то, как Максим тогда обрушился на ее губы, втолкнув свой язык ей в рот. Она и представить не могла, что можно ощущать такой напор, увлекающий в безрассудство, и что ей когда-нибудь захочется мужчину, доминирующего над ней.

Уже через час она согласилась поехать с ним в его президентский люкс в отеле, понимая, что позволит там ему делать с собой все что угодно. Лишь когда Калиопа уселась в роскошный «мерседес», у нее вновь включились мозги, и она честно призналась, что еще девственница, страшась, что из-за этого откровения сорвется волшебное свидание.

Она никогда не забудет, что произошло дальше.

Огонь, чуть притухший в глазах ее спутника, разгорелся с новой силой. Максим завладел ее губами в собственническом поцелуе, словно ставя печать под капитуляцией Калиопы.

А затем он отпустил ее и, прежде чем завести машину, сказал:

– Стать у тебя первым – небывалая привилегия для меня. И я собираюсь подарить тебе невообразимое удовольствие.

Он с лихвой выполнил свое обещание.

Их так неодолимо влекло друг к другу. Оба понимали, что секс на одну ночь – не для них. Однако из-за неудачного примера собственных родителей и провального опыта почти всех ее знакомых Калиопа полагала, что постоянные отношения отупляют человека, превращая его в посредственность, и ведут к безнадежному разочарованию.

Она не испытывала желания рискнуть завести подобную связь, но никак не могла насытиться Максимом. Встречи с ним уже не были для Калиопы искушением – они превратились в необходимость, поэтому ей хотелось быть уверенной, что эти отношения не станут развиваться в неверном направлении. Она установила правила для их свиданий: встречаться только тогда, когда позволяет их расписание, а также лишь до тех пор, пока оба испытывают страсть и удовольствие. Но едва пыл начнет гаснуть, они по-дружески распрощаются, и каждый пойдет своей дорогой.

Максим согласился на ее условия, но добавил свое, которое не подлежало обсуждению: Калиопа не должна параллельно встречаться с кем-то еще. Удивительно было услышать такое от женщины со скандальной славой плейбоя, но это еще больше затянуло ее в бушевавшие между ними страсти.

Калиопа постоянно гадала: сколько продлится этот роман? Даже в самых заветных мечтах она не смела надеяться, что их чувства будут горячи еще долго, тем более бесконечно. Но прошел уже год, а их с Максимом все сильнее тянуло друг к другу, пыл лишь разгорался.

«Я не могу потерять его», – призналась она себе. Но нужно было открыть ему правду.

– Я беременна, – неожиданно для самой себя произнесла Калиопа вслух, ощутив, как тут же сильно забилось сердце.

Ответом была тишина. Максим словно окаменел. Живыми остались лишь его глаза, и их выражение убило всякую надежду, что беременность приведет к чему-то большему между ними.

И сразу Калиопе показалось, что она задыхается под весом его тела. Почувствовав это, Максим скатился с нее. Она застонала, понимая, что он вышел из ее тела, скорее всего, последний раз.

Задрожав, Калиопа села, потянувшись за одеялом.

– Тебе не стоит об этом беспокоиться. Моя беременность – моя забота, и это мое дело – что я решила оставить ребенка. Просто я подумала: ты имеешь право об этом знать, а еще – поступать как хочешь в связи с этим фактом.

Он тоже сел с лицом мрачнее тучи.

– Ты не хочешь, чтобы я приближался к твоему ребенку.

Неужели ее слова заставили его так подумать? Она с трудом прошептала сквозь ком в горле:

– Это и твой ребенок. И я – за твое участие в его жизни, каким бы оно ни было.

– Я хочу сказать, что ты и сама не захочешь, чтобы я был рядом с твоим ребенком или с тобой, его матерью. Я – не тот человек, на которого можно положиться в подобной ситуации. Да, я дам ребенку свою фамилию, сделаю своим наследником, но не буду принимать участия в его воспитании. При этом я хочу остаться твоим любовником, пока ты хочешь меня. Как только я тебе надоем, сразу исчезну. Я всегда буду поддерживать и ребенка, и тебя, но не буду с вами жить. – Он потянулся к ней. – Это все, что я могу предложить. Вот такой я. И измениться мне не под силу.

Калиопа смотрела в его горящие огнем глаза и думала о том, что самым разумным будет отказаться от его предложения и прямо сейчас вычеркнуть этого мужчину из своей жизни. Но невозможно было даже помыслить об этом. Какую бы боль ни сулило ей в будущем продолжение их отношений на его новых условиях, она не могла пожертвовать тем, что еще можно получить от него в настоящем.

И Калиопа уступила.

Неделя проходила за неделей, принося сомнение в правильности выбора и подтверждая догадку, что беременность разобьет прежний совершенный роман в осколки. В каждом слове и поступке Максима теперь чувствовалась отчужденность, хотя сбивало с толку то, что он всегда возвращался к Кали – еще

более жадный до обладания ею, чем прежде.

А когда пошел седьмой месяц беременности и Калиопа вообще перестала понимать, как можно назвать ее отношения с Максимом Волковым, он просто исчез. И ее мир рухнул.

Глава 1

Настоящее время

– Он так и не вернулся?

Кали взглянула на красивое лицо Кассандры Ставрос. Понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что ее подруга говорит вовсе не о Максиме. Ведь она даже не знала о нем. И никто не знал.

Кали держала свой роман в секрете от семьи и друзей. И даже когда беременность стало невозможно скрывать, а Максим все еще оставался рядом, она все равно отказывалась говорить близким, кто отец ребенка. Ситуация была слишком нестандартной. Не хотелось никому ее объяснять, особенно своей греческой семье, свято чтящей традиции.

Калиопа знала: единственный, кто ее не осудит, – это брат Аристидис. Но Максима он точно захочет порвать на куски. Попав когда-то в похожий переплет, брат приложил все силы к тому, чтобы быть рядом со своей любимой, а теперь женой, Селеной, и их сыном Алексом. И любой мужчина, не поступивший так же, в его глазах просто преступник. Аристидис постарается сурово наказать Максима за уклонение от его обязанностей. Зная Волкова, легко предсказать, что это приведет к настоящей войне.

Калиопа не хотела считаться ничьей «обязанностью» или позволять брату вмешиваться в ее дела. Она ведь сама сказала Максиму, что тот ей ничего не должен. Что же касается Аристидиса и других родственников, она уже давно не зависит от них, и ей не нужно ни их благословение, ни поддержка. Калиопа решила, что не позволит никому диктовать ей, как жить.

А потом Максим исчез, а вместе с ним и смысл рассказывать подробно об этом романе. Поэтому близкие знали лишь то, что у нее с отцом Лео «не было ничего серьезного».

А в этот момент Кассандра спросила Кали о другом мужчине в ее жизни – живом примере «ничего серьезного». О самом бессердечном человеке – ее отце.

По мнению Калиопы, он сделал единственное хорошее дело – бросил ее мать с кучей детей на руках еще до рождения Кали. У ее братьев, особенно Аристидиса и Андреаса, на всю жизнь остались в душе шрамы от его равнодушия к ним. Она избежала хотя бы этого.

– Нет. Он однажды исчез, и больше мы о нем не слышали. Даже не знаю, жив ли он еще. Впрочем, он, скорее всего, мертв, иначе непременно появился бы, когда Аристидис заработал свои первые десять тысяч долларов.

Подруга открыла от удивления рот.

– Думаешь, он вернулся бы и попросил денег у сына, которого бросил?

– Не можешь себе такое представить?

Кассандра пожала плечами:

– Вряд ли. Мой отец и дяди, может, и кажутся чересчур контролирующими меня занудами, но это лишь оттого, что они хлопчут надо мной, как наседка над цыпленком.

– Если верить Селене, ты сама подаешь им к этому повод своим бурным образом жизни.

Зеленые глаза Кассандры вспыхнули весельем.

– Да, я игнорирую их строгие правила и традиционные надежды, возлагаемые на меня. Одну за другой я упускаю возможности обзавестись завидным для общества «спонсором» с тугим кошельком и нарожать с ним потомство. Чтобы затем этих отпрысков, предпочтительно мужского пола, протолкнуть на путь

величия, которым до них прошли мои братья и кузены, и увековечить романтический, пусть и обманчивый, стереотип всемогущего греческого магната.

Кали рассмеялась. Бесстрастный юмор подруги расшевелил ее почти атрофировавшееся в последнее время чувство юмора.

– Твоих родных, наверное, всех разом хватил удар, когда ты в восемнадцать уехала из дома, чтобы самой пробить себе дорогу в жизни: училась в колледже, работала за гроши, а после добавила семье разочарования и беспокойства, став моделью.

Кассандра ухмыльнулась:

– Они и в самом деле приписывают моему скандальному поведению все свои расстройства здоровья, будь то скачки давления или повышение уровня сахара в крови. Уж сейчас-то могли бы и успокоиться, когда мне уже стукнуло тридцать. Мои денечки модели, рекламирующей белье, позади, и я пытаюсь стать успешным дизайнером. Так нет же. Родных все еще терзают прежние кошмары, в которых я сталкиваюсь с опасностями, извращенцами и хищниками, которых якобы множество в моей профессии. Что ни день, близкие громко сетуют на то, что я до сих пор не замужем, и все больше волнуются о моей уходящей красоте и увядающей способности рожать детей. Для греков тридцатилетняя женщина – то же, что пятидесятилетняя у других народов.

Кали фыркнула:

– Когда они запричитают над тобой в следующий раз, скажи им: пусть радуются, что ты, в отличие от меня, не принесла в подоле незаконнорожденного ребенка.

Изумрудные глаза Кассандры заблестели.

– А может, и мне надо родить? Ведь, боюсь, мне не найти мужчину, который настолько запудрит мне мозги, что я смирюсь с такой катастрофой, как брак, хотя бы для того, чтобы продолжить род Ставросов. Уж не говоря о том, что замечательные малыши – твой и Селены – заставляют звенеть мой биологический будильник.

Сердце Калиопы ёкнуло. Каждый раз, когда Кассандра говорила так о ней и о Селене, вспоминалась жестокая истина: у Селены были двое детей и любимый мужчина, а у нее, Кали, только Лео и больше никого.

– Не стоит легкомысленно рассуждать о том, чтобы стать матерью-одиночкой, – пробормотала она.

Раскаяние наполнило глаза Кассандры.

– Тебе виднее. Я помню, как переживала Селена, пока к ней не вернулся Аристидис. Даже такой успешной женщине, как она, очень тяжело одной растить детей. А ведь до этого я была убеждена, что в первые несколько лет жизни ребенка отец в лучшем случае играет второстепенную роль. Но, увидев, как изменилась жизнь Селены и Алекса благодаря твоему брату... Хотя он скорее исключение. Все знают, что такой мужчина, как он, всего один на свете.

«Так же как и Максим – единственный в мире», – подумала Кали и вздохнула:

– Меня до сих пор поражает, какой Аристидис замечательный отец и муж. А мы с сестрами когда-то полагали, что он – точная копия нашего бессердечного отца.

Особенно их укрепили в этом мнении события, случившиеся в ночь смерти их брата Леонидаса. Пока Кали с сестрами не могли прийти в себя от ужасной потери, внезапно появившийся Аристидис позаботился обо всем, включая общение с полицией и похоронным бюро, а также бдение у гроба. Но он даже не сделал попытки утешить сестер и уехал сразу после похорон.

Конечно, он повел себя лучше, чем Андреас, который даже не приехал на похороны, но Калиопа тогда решила, что Аристидис такой же бесчувственный, как их отец. Уже позже она поняла, что брат вовсе не такой – просто он не умел открыто выражать свои чувства. Но с тех пор как Селена, по его словам, «покорила его», он очень изменился. По-прежнему безжалостный в бизнесе, он стал более открытым с близкими.

– Значит, твой отец был таким плохим? – спросила Кассандра.

Калиопа сделала глоток чаю, ощутив нежелание говорить об отце. Раньше она охотно рассказывала о нем, но внезапно ее поразило, как его поведение близко к ситуации между ней и Максимом.

– Полное отсутствие у него моральных принципов и забота лишь о собственных мелочных интересах стали почти легендой. Когда моей матери было семнадцать, он заделал ей ребенка – Аристидиса. Отец был на четыре года ее старше, постоянно менял работу, так как все, что он умел, – лишь нравиться женщинам. И только после того, как его собственный родитель пригрозил, что перестанет снабжать его деньгами, он женился на маме. А после продолжал строгать детей, чтобы выжимать у своего папаши больше денег на содержание, причем тратил все средства только на себя. Когда его отец умер, он получил наследство и исчез. Промотав деньги, он вернулся, прекрасно зная, что мама всегда позаботится о нем, уделив ему из скудных средств, заработанных ею или полученных от ее родных. Впрочем, ее семья перестала ей помогать, узнав, что их заработанные потом и кровью деньги достаются этому нахлебнику. Отец то пропадал, то снова появлялся, каждый раз добавляя моей матери еще одного ребенка и новое бремя на плечи. Возвращаясь, он клялся в вечной любви и, рыдая, рассказывал, как жестока к нему жизнь.

– А твоя мать пускала его обратно?

– Аристидис говорил: она даже не представляла, что можно поступить иначе. Он понимал это, потому что рано повзрослел: надо было помогать матери. Уже с семи лет он выполнял всю ту работу, которую обязан был делать наш никудышный отец, пока мать заботилась о младших детях. В двенадцать Аристидису пришлось бросить школу и трудиться на четырех работах, чтобы семья могла с трудом сводить концы с концами. Когда ему исполнилось пятнадцать, наш горе-отец исчез в последний раз, оставив маму беременной мной. Аристидис продолжал прокладывать себе дорогу в жизни упорным трудом. Он сумел пройти путь от рабочего в доках на Крите до крупнейшего в мире корабельного магната. К сожалению, мама застала лишь начало его успешного восхождения – она умерла, когда мне было всего шесть. Тогда Аристидис привез нас всех, своих братьев и сестер, сюда, в Нью-Йорк, оформил нам американское гражданство и обеспечил лучший уход и самое блестящее образование, какие только возможно получить за деньги. Но его никогда не было рядом с нами. Брат даже не оформлял себе американское гражданство, пока не женился на Селене. Его успех и все, что есть сейчас у нас, – это не благодаря, а вопреки тому, что сделал наш отец, который едва не разрушил

наши жизни так же, как разрушил жизнь мамы. В конечном счете, я даже рада, что он не отравил мое существование, как сделал это Аристидису и остальным своим детям.

– Но это уму непостижимо! Как можно так дурно относиться к тем, о ком обязан заботиться! Впрочем, он совершил в жизни и хорошее дело – помог появиться на свет тебе, твоим сестрам и братьям. Вы, ребята, классные.

Кали промолчала о том, что считала таковым только Леонидаса, а с недавнего времени еще и Аристидиса. Что же касается трех ее сестер, которых она очень любила, к сожалению, они в той или иной степени унаследовали от матери пассивность и непротивление угнетенному состоянию. Андреас, пятый из семи детей, был загадкой. Всю жизнь он неохотно общался с родными, и Кали была склонна думать о нем даже хуже, чем когда-то об Аристидисе.

Но как бы Калиопа ни считала, что не похожа характером на мать, кажется, она ошибается. Если не брать во внимание детали, у нее с Максимом все было так же, как и у матери с отцом. Но та была бедной женщиной, живущей изолированно на острове Крит без всякой возможности или надежды изменить свою жизнь. А она, Кали, образованная, независимая американка из двадцать первого столетия. Чем ей оправдать свои действия?

– Ты только взгляни, который час! – вскочила Кассандра. – Ведь тебе утром очень рано вставать из-за Лео.

Тоже поднимаясь, Кали запротестовала:

– С удовольствием проболтала бы с тобой всю ночь. Мне не с кем поговорить, кроме няни Лео, да и то лишь на темы ухода за ребенком.

– Можешь располагать мной в любое время, чтобы утолить свою жажду общения. – Кассандра рассмеялась и обняла подругу.

Они расстались, и квартира сразу наполнилась тишиной. Снова подступило знакомое уныние, которое всегда накрывало Калиопу, словно саваном, если ее ничто не отвлекало. Больше невозможно убеждать себя, что это – затянувшаяся послеродовая депрессия. Тяжело было признаваться себе, но причина всех ее страданий в течение прошедшего года была одна – Максим.

Кали на цыпочках вошла в комнату Лео. После шести бессонных месяцев она наконец начала высыпаться по ночам.

В детской было темно, лишь из коридора падало немного света, но Калиопа давно уже могла найти дорогу к детской кровати с завязанными глазами.

От эмоций перехватило горло, как и всегда, когда Кали видела любимые черты Лео. И пусть сейчас толком не разглядеть его в темноте, каждая пора его кожи и каждая ресничка были запечатлены в ее памяти. Если бы хоть кто-нибудь заподозрил, что у нее был роман с Максимом, то сразу же стало бы понятно, что Лео – его сын. Ведь он – точная копия своего красивого отца. Его волосы такого же необычного оттенка – красного дерева, так же растут на лбу мыском и ложатся мягкими волнами. А на подбородке и на левой щеке – такие же ямочки. Правда, у Максима, который, похоже, не умеет улыбаться, они появляются только при гримасе удовольствия в минуты наивысшего наслаждения. А вот глаза отличаются. У Лео их разрез такой же волчий, как и у его отца, но они оливково-зеленые, словно цвет голубых глаз Кали смешали с желтым цветом глаз Максима.

Ощущая в сердце благодарность за это маленькое чудо, Кали наклонилась и прикоснулась губами к пухлой щечке Лео. Тот довольно гукнул, повернулся на бок, потянулся и заснул еще глубже. Поцеловав сына еще раз, Кали вышла из детской, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. На смену знакомому унынию пришло новое чувство – гнев. Почему она позволила Максиму бросить себя? Как могла быть такой слабой? Она должна была почувствовать его отстраненность. Так почему не сделала того, о чем условилась с самого начала – расстаться, если страсть остынет? Однако Калиопа надеялась, что ее сомнения, возможно, беспочвенны, ведь каждый раз Максим возвращался еще более жадным до ее тела, чем прежде. Впрочем, это поведение было странным и должно было убедить ее положить конец их отношениям, а она приняла его предложение, и в результате Максим внезапно исчез.

А ведь Калиопа тогда не поверила, что Максим ее бросил. Считая, что должно быть другое объяснение, она кинулась разыскивать его уже на следующий день после исчезновения. Однако оставленный Волковым телефонный номер был отключен, на электронные письма ответы не приходили. Никто из коллег Максима ничего о нем не знал. Единственным признаком того, что он жив, было продолжавшееся приобретение и поглощение различных компаний от его

имени. Это подтверждало неоспоримую истину: он перестал появляться на публике, чтобы Калиопа не смогла с ним связаться.

И все же она еще долго не хотела в это верить. Какой наивной дурочкой она была! Прибегала к самообману, внушая себе, что с Максимом, должно быть, случилось что-то ужасное, иначе он никогда бы от нее не ушел. А когда все же пришлось признать его уход, возник вопрос: почему он так поступил?

Сначала Калиопа считала, что его отвратила от нее начинающая становиться заметной беременность. Но после, осознав, что любит Максима, она поняла, что он, вероятно, почувствовал эту перемену раньше, чем она сама, и решил, что пора рвать их отношения. Ведь сам он никогда не изменится.

Последние месяцы беременности были для Кали сложными, но куда тяжелее ей стало после рождения Лео. Со стороны казалось, что у нее все в порядке: замечательный ребенок, прекрасная карьера, отличное здоровье, любящая семья и финансовая стабильность. На самом деле она познала, что такое настоящее отчаяние. Ей мучительно хотелось, чтобы Максим был с ней рядом, помог советом, морально поддержал. Ей нужно было поделиться с ним тысячей мелочей, касающихся Лео: что тот сказал или что сделал. Когда она рассказывала об этом другим, ее тоска по Максиму лишь усиливалась. В конце концов начало казаться, что он рядом и, стоит обернуться, она обнаружит его смотрящим на нее с безудержной страстью в глазах. Много раз ей даже казалось, что она мельком видела любимого в толпе, – ее воображение играло злую шутку с разумом. И каждый раз, когда этот мираж исчезал, она словно заново переживала уход Максима.

Сейчас все это лишь подлило масла в огонь ее гнева. Но гнев – лучше, чем уныние, потому что впервые после его исчезновения Кали почувствовала себя живой. Она снова начнет жить по-настоящему, и к черту все, что...

В дверь позвонили.

Она посмотрела на часы. Десять вечера. Кто бы это мог быть в такой поздний час? Кроме того, любой гость сначала связался бы по интеркому или консьержка позвонила бы ей, прежде чем впустить посетителя. Так как же кто-то мог незамеченным подняться к ней на этаж?

Это могла быть только Кассандра. Возможно, она что-то забыла. Скорее всего, свой телефон, потому что предварительно не позвонила.

Калиопа поспешила к двери, открыла ее, не посмотрев в глазок, и все мгновенно замерло: ее дыхание, ее сердце, весь мир.

В приглушенном освещении просторного коридора он выглядел устрашающе, темный и большой, с блестящими глазами.

Максим.

Сердце гулко застучало в груди. Стало трудно дышать. Неужели она так усиленно думала о нем, что вызвала его в своем воображении, как уже было не раз? Лицо его было таким же, каким осталось в ее памяти, но все же она его почти не узнала. Кали потеряла бы сознание, если бы не взгляд Максима, буквально пригвоздивший ее к месту.

Больше всего поразило то, что он стоял, привалившись к дверному косяку, словно тоже лишился сил при виде ее. Его глаза взволнованно ощупывали ее лицо и тело.

Затем четко очерченные губы искривились, словно от боли, и с его губ сорвались русские слова: «Я очень скучаю по тебе, моя дорогая».

Кали с увлечением учила русский язык с того дня, когда познакомилась с Максимом. И не прекратила заниматься даже после его ухода, сделав перерыв в обучении, когда родился Лео. Три месяца назад она возобновила занятия, не в силах объяснить самой себе такое усердие.

Наверное, все усилия были лишь ради этого момента. Чтобы понять, что этот мужчина только что сказал.

Максим произнес те слова, что столько раз звучали из его уст в ее снах. А после, словно в довершение видения, он потянулся к Калиопе и привлек ее к себе, как всегда делал в мучительных грезах. Но там он обхватывал ее сильно, как когда-то в прошлом, а сейчас Максим нерешительно ласкал Кали. Это несвойственное ему поведение и отчаяние, исходящее от каждого дюйма прижавшегося к ней тела, вызвали в ней желание. Она слилась в поцелуе с любимым, ощущая его вкус, его дыхание, чувствуя, как он возвращает ее в свою собственность из той пустоты, в которую когда-то ее погрузил.

Максим вернулся! Она мечтала об этом каждую ночь на протяжении бесконечного, гнетущего года разлуки. Он вернулся! По-настоящему.

Но этого не может быть, потому что он никогда не воспринимал всерьез их связь, и Кали когда-то согласилась на это. Однако больше ей такого не вынести. И не важно, что она тысячу раз представляла себе возвращение Максима, это останется несбыточным желанием. Слишком многое изменилось, и, главное, она сама стала другой. А он предупреждал, что никогда не изменится.

И Кали тут же почувствовала, что задыхается в его объятиях.

Максим отпустил ее и через порог шагнул назад.

– Извини, – произнес он по-русски и добавил на английском: – Прости меня. Я не хотел.

Он провел руками по отросшим почти до плеч волосам, обратив ее внимание на одну из произошедших с его внешностью перемен. Кали отмечала их одну за другой, внося в своей памяти изменения в запечатлевшийся когда-то облик.

Он выглядел осунувшимся – тенью того полного жизни мужчины, каким был прежде. Но из-за этого он показался Кали еще более потрясающим.

Боже! Неужели она на самом деле становится такой же, как ее мать? Этот мужчина исчез без единого слова, отсутствовал в самый трудный период ее жизни. Затем он возвращается и, не потрудившись объяснить, заявляет, что соскучился, срывает поцелуй. Теперь она готова предложить ему свою душу, если тот захочет ее взять?

Ни за что! Он застал ее врасплох – в тот момент, когда занимал ее мысли. Но такой ошибки она больше не совершит.

Волков – часть ее прошлого. Там пусть и остается.

Но, даже приняв это решение, Калиопа лишь смотрела во все глаза на нависающего над ней Максима, чей высокий рост стал еще заметнее из-за худобы.

– Ты не пригласишь меня войти? – Его хриплый шепот ударил Кали, словно кнутом, дыхание сбилось, и она прошипела в ответ:

– Нет. Но прежде чем ты уйдешь, я хочу знать, как ты умудрился войти в дом. Ты обманул жильца, чтобы он тебя впустил, или запугал консьержку?

Максим поморщился от пронзительной резкости в ее голосе.

– Мне не понадобилось никого обманывать или запугивать. Я вошел, набрав твой код.

Откуда он его узнал?

Когда-то ее удивляло, что человек его статуса ходит повсюду без телохранителей и пускает ее в свои апартаменты без всяких мер предосторожности. Кали думала, что он настолько ей доверял. Но что, если и в этом она ошиблась? Может, предпринятые им меры безопасности остались для нее незамеченными? Скорее всего, его служба безопасности тщательно проверяла всех, с кем босс входил в контакт, особенно женщин, с которыми он спал. У них, наверное, и на нее есть досье, в котором расписана вся ее подноготная, вплоть до марки дезодоранта. А что, если он...

Ход мыслей Калиопы прервали негромкие слова собеседника:

– Один раз я был здесь с тобой.

Она непонимающе уставилась на него.

– Ты тогда ввела код внизу, на входе.

Это объяснение еще больше изумило ее.

– Ты хочешь сказать, что увидел, как я его набираю, и не только разглядел все двенадцать цифр кода, но и помнишь их до сих пор?

Он нетерпеливо кивнул, желая скорее перейти к другой теме:

– Я помню все, что с тобой связано. Все, – и посмотрел на ее губы так, словно еле сдерживал желание поцеловать Калиопу.

Ее губы дрогнули в ответ. Он сделал небольшой шаг вперед, не переступая через порог. Удивительно. Тот Максим, которого Кали знала, проигнорировал бы ее мнение, поцелуями растопив любое сопротивление.

– Позволь мне войти. Мне нужно с тобой поговорить.

– А я не хочу ничего с тобой обсуждать. Ты опоздал на целый год. Надо было разговаривать до того, как ты решил уйти без единого слова. Девять месяцев назад у меня пропало желание беседовать с тобой.

Он кивнул:

– Когда родился Леонид.

Значит, ему известно, как зовут сына, хотя он и произнес его имя на русский манер: Леонид, а не Леонидас. Наверное, Максиму известен и вес ребенка, и количество уже вылезших у мальчика зубов – все есть в том досье на нее.

– Твои умозаключения излишни, как и твое присутствие здесь.

– Не скажу, что заслуживаю быть выслушанным, но на протяжении всех этих месяцев ты так сильно хотела узнать причину моего внезапного ухода, что оставила мне десятки СМС и электронных писем.

– Раз ты все так хорошо помнишь, значит, не забыл и то, почему я тебе названивала и писала.

– Ты хотела знать, все ли со мной в порядке.

– И раз я вижу, что ты... – Она сделала паузу и смерила взглядом его фигуру в длинном темном пальто. – Нет, не скажу, что ты в порядке. Выглядишь словно изголодавшийся вампир, пытающийся загипнотизировать свою жертву, чтобы выпить ее кровь, или так, как будто подсел на кокаин.

Она понимала, что слова ее жестоки, но не могла ничего с собой поделать.

– Я был... болен.

То, с какой неохотой он это произнес, опустив глаза и коснувшись густыми ресницами заострившихся скул, заставило ее сердце перевернуться в груди.

А что, если он действительно проболел все это время?

Максим поднял взгляд на Калиопу:

– Неужели тебе даже не любопытно, почему я ушел и почему вернулся?

– Нет. Когда-то я заключила с тобой договор, потребовав от тебя только честности и уважения к себе. Но ты скрыл, что пресытился мной, и проявил ко мне уважения меньше, чем к какой-нибудь шлюхе, подобранной на улице.

Он вздрогнул, словно получил удар, но не прервал собеседницу.

– Ты избегал меня, хотя знал, что если я узнаю, что с тобой все хорошо, то больше не потревожу тебя звонками. Мне нет дела до того, почему ты ушел и зачем вернулся.

С каждым ее словом он все больше мрачнел, а убедившись, что поток ее слов иссякает, прерывисто выдохнул.

– Все, что ты сказала, не имеет ничего общего с правдой, хотя ты, возможно, неодобрительно отзовешься об обстоятельствах, побудивших меня вести себя именно так. Но в то время они были для меня... непреодолимыми. Это длинная история.

И прежде чем Кали успела ответить, что она ей неинтересна, Максим едва слышно добавил:

– А затем со мной... произошел несчастный случай.

Слова застряли у нее в горле, а в голове зазвучало: «Когда? Как? Что случилось? Был ли он ранен? Если да, то насколько серьезно?»

Она обшаривала его глазами, ища видимые повреждения. На лице шрамов нет, но, может, они просто незаметны в полутьме коридора? Пальто не могло скрыть сильную потерю веса, но что, если под ним Максим прячет что-то более ужасное?

Кали схватила его за руку и втянула в квартиру, чтобы рассмотреть при более ярком освещении.

Ее сердце болезненно сжалось. Боже! Он так сильно похудел! Выглядит таким нездоровым, изможденным, почти хрупким.

Внезапно он наклонился и не успела Кали испугаться, как Максим сгреб ее в охапку и поднял на руки. То, что даже в таком истощенном состоянии он смог это сделать без видимого напряжения, свидетельствовало о его силе. Вдруг вспомнилось, как раньше Волков носил ее на руках. В такие моменты Кали казалась себе невесомой и желанной, и у нее возникло такое чувство, словно она вернулась домой. Напряжение и сопротивление испарились.

Максим остановился в гостиной. Если бы Кали могла сейчас владеть голосом, то попросила бы его направиться в ее спальню и не останавливаться, пока они не окажутся рядом – плоть к плоти, не нуждаясь ни в каких словах. И тогда она рассмотрела бы каждый дюйм его тела, сравнивая с тем образом, что помнился ей в мельчайших деталях и вызывал постоянное желание.

Но Максим уложил ее на диван и опустился на пол на колени, глядя на Калиопу сверху вниз. В его глазах она внезапно прочла что-то... ужасное.

А затем он облек свою мысль в слова:

– Могу я увидеть Леонида?

Все в ее теле и душе взбунтовалось против этого.

– Зачем? – только и смогла вымолвить Кали.

Удивление ее было искренним. Максим ведь сам заявил, что не будет принимать никакого личного участия в жизни Лео. Так для чего ему захотелось увидеть сына?

Ответ прозвучал, словно эхо ее мыслей:

– Знаю, я сказал, что не буду с ним видеться. Но вовсе не потому, что не хотел этого, а потому, что считал: я не могу и не должен этого делать.

В памяти Калиопы снова всплыли воспоминания о том мучительном моменте.

– Ты сказал, что ты «не тот человек, на которого можно положиться в подобной ситуации».

Его лицо свела судорога.

– Ты помнишь.

– Такие вещи не забывают.

– Я сказал так лишь потому, что полагал: и для тебя, и для ребенка лучше всего будет, если я уйду из вашей жизни.

– А причина, по которой ты так думал, – это часть той самой длинной истории?

– Причина и есть та история. Но прежде чем я расскажу тебе ее, разреши посмотреть на Леонида.

Господи! Он снова попросил об этом. Наяву. Он здесь и хочет видеть сына. Но если разрешить ему это, все изменится.

– Он спит.

Глаза Максима потемнели.

– Обещаю, что не потревожу его сон – только взгляну одним глазком.

– Ты почти ничего не разглядишь в темноте, а свет включать нельзя, чтобы не разбудить Лео.

– Даже если я не рассмотрю, то... почувствую его. Я уже знаю, как он выглядит.

Значит, она права насчет того секретного досье?

– Откуда тебе это известно? Ты велел следить за нами?

Он посмотрел на нее, словно не понимая:

– С чего ты это взяла?

Калиопа выложила ему все свои подозрения, видя, как он с каждым словом все сильнее хмурится.

– Ты имеешь полное право думать обо мне плохо. Но я никогда не вторгался в твою личную жизнь. Если я и мог бы установить за тобой наблюдение, то только ради твоей безопасности, а не ради своего любопытства. А у меня прежде не было оснований переживать за тебя, потому что единственным источником опасности для тебя могло быть общение со мной. Но я держал его в глубокой тайне от всех.

– Так откуда ты знаешь, как выглядит Лео?

– Потому что я сам следил за тобой.

У Кали от удивления открылся рот.

– Ты? Когда?

Он закусил губу и с усилием произнес:

– Время от времени. В основном в течение последних трех месяцев.

Так она вовсе не сходила с ума, когда чувствовала его присутствие. Каждый раз он действительно был поблизости.

Калиопу распирало от вопросов. Почему он это делал? Почему ускользал каждый раз, когда она ощущала его присутствие? Почему не приближался к ней? И почему наконец решился прийти? Почему? Почему? Почему? Хотелось получить ответы сию секунду, но для этого понадобится время. Не стоит пытаться выжать их из Максима прямо сейчас. Она должна разрешить ему увидеть сына.

Кали попыталась сесть. Максим вскинул руки, чтобы ее поддержать, и оба ошеломленно ощутили тот электрический заряд, который раньше всегда пробегал между ними.

Максим, словно не в силах остановиться, коснулся ладонью щеки Кали, затем его рука скользнула на ее затылок. Он застонал, словно от боли, как будто предупреждая, что поцелует ее, даже если она против. Но она вовсе не возражала.

И тогда он издал горлом облегченный рык, словно с него сняли строгий ошейник, наклонил голову и впился в губы Калиопы поцелуем.

Она понимала, что не должна допускать этого снова, что ничего между ними еще не решено, но, как обычно, потеряла голову, ощущая, как смешивается их дыхание и скользят, сталкиваясь, языки.

Кали уступила напору Максима. Он жадно ласкал ее трепещущие губы, его язык нырял в ее рот, крадя ответные поцелуи. Тело ее плавилось, готовое отдаться

этому мужчине, еще тоскуя по нему, помня его господство, его вторжения, удовольствия, которые он дарил. Максим лег сверху, придавив Кали спиной к дивану, прижимаясь своей твердой грудью к ее груди... И вдруг он резко оторвался от ее губ и с тревожно раскрытыми глазами снова упал на колени рядом с диваном.

Калиопе потребовалась пара секунд, чтобы сообразить, что эти тоненькие звуки издает не она. «Лео!» – вспыхнуло в голове. Это подавала сигналы система слежения за младенцем, ее динамики были в каждой комнате.

Максим помог Кали подняться. Трудно было понять: то ли у него дрожат руки, то ли у нее, то ли у них обоих.

Калиопе происходящее снова начало казаться нереальным. Всего час назад, входя в комнату Лео, она и представить не могла, что Максим окажется здесь, а она будет показывать ему своего... нет, их сына.

Кали чувствовала исходящее от своего спутника сильное напряжение. Подойдя к двери детской, она обернулась:

– Расслабься, ладно? Лео очень чувствителен к чужому настроению. – Именно поэтому первые шесть месяцев с ним было нелегко – он, наверное, реагировал на ее переживания. – Если он не спит, ты ведь не захочешь, чтобы он увидел тебя в первый раз таким напряженным?

Произнеся эти слова, она чуть не застонала. «В первый раз» – прозвучало так, словно она полагает, что будет еще много встреч отца с сыном, хотя Максим, возможно, решил увидеть его всего однажды, потому что... Кто его знает почему.

Не подозревая, о чем думает Кали, Максим крепко зажмурился, потом снова открыл глаза и кивнул:

– Я готов.

Оба на цыпочках вошли в комнату. Кали надеялась, что Лео снова затих. Пусть лучше эти смотрины пройдут, пока он спит. И действительно – малыш тихо

посапывал.

Максим подошел, встал рядом, и, глядя на его профиль, Калиопа сразу позабыла обо всем, даже о Лео. Сердце гроыхало в груди, словно монета в шкатулке. Разве можно было вообразить, что это окажется так... так... Боже!

Исходящие от Максима эмоции вызвали слезы на ее глазах. А она-то думала, что разучилась плакать!

На его лице отражались изумление, благоговение, страдание, словно он смотрел на извлеченное из его груди сердце, принявшее вид человека. Будто он узрел чудо.

Впрочем, Лео и был настоящим чудом. Назло всем трудностям он появился на свет.

– Можно... Можно его потрогать? – благоговейно прошептал Максим.

Он взглянул на нее, и Кали чуть не вскрикнула. В его глазах... блеснули слезы!

Слезы? У Волкова? Как это вообще возможно?

Ощущая ком в горле, Кали лишь кивнула.

Пару минут он собирался с духом, а затем протянул дрожащую руку к лицу сына. Коснувшись его, Максим резко выдохнул, словно его ударили в живот. И тут Лео прижался к большой руке отца, словно кошка, требующая ее погладить. Максим обхватил его пухлую щечку ладонью, поглаживая ее большим пальцем. Теперь он дышал так часто, словно только что пробежал целую милю.

– Все дети такие удивительные? – спросил он низким, тихим шепотом. И это не было риторическим вопросом. Казалось, он на самом деле не имел об этом понятия и впервые видел маленького ребенка. Или, по крайней мере, впервые задумался над тем, как человеческое существо может быть таким крошечным, но таким совершенным.

Кали хотела промолчать, боясь разрыдаться, но не смогла: ведь Максим смотрел на нее блестящими от слез глазами в ожидании ответа. Она прошептала:

– Все дети такие. Думаю, эмоциональная привязанность к ним дана нам для нашей же пользы. Эта связь заставляет нас ценить их больше всего на свете, что развивает в них лучшие качества, сглаживает их недостатки, а мы противостоям их несчастьям с терпением поистине бесконечным и безрассудным.

Максим слушал сосредоточенно, словно каждое слово было для него откровением. Но внезапно его лицо приняло замкнутое выражение. Перемена была разительная. А затем он яростно, почти жутко прорычал:

– Безрассудным...

Прежде чем Кали успела что-нибудь сказать, он последний раз взглянул на Лео и вышел из комнаты. Она последовала за ним, взволнованно размышляя.

Да что такое с этим мужчиной, который постоянно ставит ее в тупик и сводит с ума?

Что он хотел этим всем сказать? Явился сюда, устроил для нее небывалое эмоциональное шоу: чего стоит одна только выворачивающая душу реакция на Лео... А затем вдруг превратился в «льва с колючкой в лапе».

Так он это имел в виду, когда сказал, что «не тот человек, на которого можно положиться в подобной ситуации»? А может, он страдает психическим расстройством: попеременно впадает то в эйфорию, то в депрессию? Не объясняет ли это и его неожиданный уход, и его возвращение?

Волков дожидался ее в гостиной с мрачным и отсутствующим выражением лица. В Кали снова вскипел гнев.

– Я не знаю, что у тебя за проблема, и знать не хочу. Ты пришел сюда без приглашения, сбил меня с толку парой поцелуев и добился того, чтобы я показала тебе Лео. Ты получил, что хотел. Теперь уходи и больше не возвращайся, не то я...

– Я из семьи, где царило насилие.

Это неожиданное заявление ошарашило ее. Она не знала, что сказать в ответ и что вообще думать.

А Максим продолжал тем же безжизненным голосом:

– Наверное, это в нашем роду уже очень давно, но мне известно только, что мой прадед был домашним тираном, а после с каждым поколением становилось только хуже. Самым жестоким с близкими был мой отец. Я думал, что этот порок – в моей крови, что однажды он проявится, и я буду вести себя хуже всех моих предков. Вот почему я никогда не имел ни с кем серьезных отношений. Пока не встретил тебя. С первой же секунды я захотел тебя с яростью, которая меня ужаснула. Поэтому, когда ты поставила свои условия, я почувствовал облегчение. Мне казалось, что наши отношения будут безопасными, раз они временные и поверхностные. Но все пошло не так, как я ожидал. И чем сильнее меня тянуло к тебе, тем больше росла моя тревога. Я жил в страхе, потому что не знал, какотреагирую, если ты захочешь меня бросить, а я буду не готов. Но вместо этого ты забеременела.

Кали молча смотрела на Максима, чувствуя, что самое худшее он еще не рассказал. Так и оказалось.

– Пока ты вынашивала Леонида, я с каждым днем убеждался, что был прав, сказав тебе, что однажды исчезну из твоей жизни. Каждую секунду, что ты проводила не со мной, меня терзала тревога. Я старался сдерживать мое влечение к тебе, чтобы не давить на тебя, и даже пытался как можно дольше находиться вдали от тебя. Но когда я возвращался, моя одержимость тобой становилась лишь еще сильнее. Вот почему я заставил себя уйти до рождения Лео. Я боялся, что поступлю так же, как мой отец после рождения моей сестры.

«У него есть сестра?» – мелькнуло в голове у Кали. Но следующие слова Максима стали ледяным ответом на ее невысказанное удивление.

– Чем дальше, тем больше отец распускал руки. Не было и дня, чтобы он не избил маму или нас с ней вместе. А однажды ночью, когда Насте было около шести месяцев от роду, он совершенно обезумел. Мы тогда все попали в больницу. Я и мама еще пару месяцев после этого лечились от полученных тогда

травм. Сестра же неделю боролась за жизнь, а потом... умерла.

Глава 3

Слова Максима обрушились на Калиопу, словно лавина. Она потрясенно молчала, а в голове крутилось: «Его отец убил его маленькую сестру. И он боится, что унаследовал его жестокие склонности. Не они ли взяли над ним верх в комнате Лео? – Внезапно Кали ощутила ужас. – А что, если Максим потеряет сейчас контроль над собой? Что, если...»

Но страх оставил ее так же резко, как и появился. Этот человек, стоящий напротив нее с глазами полными уныния, которое ей самой было так знакомо, вовсе не был охвачен неконтролируемой яростью. Его душу переполняло страдание.

Он сам всю жизнь страшился того, что может унаследовать жестокость от отца. Именно это руководило всеми его действиями в отношениях с ней. Ему казалось, он защищает любимую от самого себя.

– Ты когда-нибудь бил кого-то?

– Да.

Такое признание должно было вновь всколыхнуть ее страх, но этого не произошло. Шестое чувство, которому она всегда доверяла, подсказывало Кали, что бояться нет причины. С первого взгляда на Максима она почувствовала, что с ним она будет в безопасности. Более того: что он любой ценой будет ее защищать. И она безоговорочно доверилась ему.

Кали подошла к Максиму и почувствовала, как он сразу напрягся, не желая ее близости после того, как признался в таких ужасных и постыдных вещах. Нужно дать ему знать, что она всегда чувствовала его надежность и умение владеть собой. Мысль о том, что она так ошибалась в оценке Максима, мучила ее так же сильно, как и влечение к нему. Ведь им двигало лишь стремление защитить ее и Лео.

Максим отступил от Кали на два шага, заклиная ее взглядом не приближаться.

– Это лежало грузом на моих плечах с тех пор, как мы познакомились. Но если ты подойдешь ближе, я забуду обо всем.

Кали остановилась, опустилась на диван и похлопала ладонью рядом с собой. Максим, неохотно повиновавшись, сел.

– Те, кого ты бил, были не слабее тебя. – Это прозвучало утверждением, а не вопросом.

Он кивнул с горящими глазами:

– Да.

– Вы были равными по силам, – продолжила Кали, окинув взглядом его широкие плечи, – либо они превосходили тебя количеством. И сам ты никогда не провоцировал драки.

Максим снова кивнул:

– Я лишь отражал нападения или защищал тех, на кого напали.

– И часто такое бывало?

– На моей родине в некоторых городах закон почти не работает, и люди порой сами решают между собой свои споры. Чаще всего применяя силу. Я приобрел большой опыт по этой части.

– Ты защищал не только себя, но и других – значит, делал то, что необходимо.

– Я был слишком жесток и находил в этом удовольствие.

– Ты терял над собой контроль?

– Нет. Я четко понимал, что делаю.

– Но так же ведут себя солдаты и полицейские: применяют насилие, даже порой убивают, чтобы защитить других.

– Умом я понимал, что у меня хорошие намерения. Но, помня о своих предках, я боялся, что во мне есть склонность к немотивированной агрессии. Моя страсть к тебе росла с каждым часом, но однажды ночью я испугался самого себя. Это была наша последняя ночь вместе. Я ждал тебя в постели, а ты подошла ко мне в прозрачном пеньюаре, поглаживая округлившийся живот. Прекрасная, как никогда. Мое чувство к тебе в тот момент вспыхнуло с такой неистовой силой, что я почти обезумел. Нельзя было допустить, чтобы эта страсть хлынула в другое русло.

Кали помнила ту ночь во всех подробностях. А утром она проснулась после нежных и бурных ласк Максима и обнаружила, что тот исчез. Глаза щипало от подступивших слез.

– Ты хорошо это скрывал.

– Мне нечего было скрывать. Я никогда не чувствовал к тебе ничего даже отдаленно похожего на агрессию. Поверь, тебе ничего не угрожало.

– Я имела в виду твою все возрастающую страсть.

– Да, именно ее я и скрывал. И чем больше пытался не выказать своих чувств, тем сильнее они кипели во мне. И если я ощущал такое, пока ты только вынашивала моего ребенка, нельзя было рисковать, пытаюсь выяснить, что я буду чувствовать, когда он появится на свет.

– Злодеев не заботит благополучие их жертв. И уж точно они не живут в страхе от того, что могут совершить. Ты совсем не похож на своего отца. Расскажи мне о нем.

Максим резко вдохнул, словно не ожидал такой просьбы и не желал говорить на эту тему.

– Он очень собственнически относился к моей матери. Безумно ревновал ее даже к воздуху, которым она дышала, следил за каждым ее шагом, не хотел, чтобы

она проводила время одна или с кем-то другим. Дошло до того, что он впадал в ярость, когда она уделяла внимание его же собственным детям. И в конце концов он убедил себя, что мама проводит столько времени с нами, потому что мы – не от него.

– И тогда он... он...

Максим кивнул.

– Когда он избил нас до полусмерти, то сам же отвез в больницу. А в тот день, когда отец узнал, что моя сестра умерла, он вышел на улицу и бросился под грузовик.

Кали прошептала:

– Сколько... Сколько тебе было тогда лет?

– Девять.

Достаточно много, чтобы все понимать, пребывать в постоянном страхе и так сильно страдать.

– И с тех пор ты боишься стать таким, как твой отец? А твоя мать не знала о его нраве до того, как они поженились?

– Она говорила, что еще до свадьбы замечала какие-то признаки. Но она была молода и бедна, отец казался ей небожителем, его настойчивые ухаживания покорили ее. Мама поняла, что у него нарушения психики, когда он впервые пустил в ход кулаки. Но отец после избиений был всегда таким расстроенным, таким любящим, что она все глубже запутывалась в силках его больной страсти. Это был бесконечный круг страха и насилия. А потом мама неожиданно забеременела Настей. Сначала она хотела сделать аборт, опасаясь, что появление еще одного ребенка только ухудшит ситуацию в семье. Так и случилось. И лучшее, что отец сделал в своей жизни, – это его самоубийство, избавившее маму от его присутствия рядом. Но, учитывая весь причиненный им вред, это случилось слишком поздно.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/geyts_oliviya/nazvat-svoey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)